

Александр Грин

Четыре гинеи

Александр Степанович Грин

Четыре гиней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055367

Аннотация

«В американский город Сан-Франциско прибыл корабль «Юг» из Англии. На том корабле служил матрос Гарт, пьяница и игрок. Все свое жалованье он тратил на попойки и игру в карты.

За несколько дней до отправления корабля обратно в Англию Гарт тяжело заболел. Его положили в больницу, и доктор объявил матросу, что жить тому осталось не более трех дней.

Тогда Гарт послал за своим приятелем Смитом, который тоже был матросом «Юга», и сказал ему...»

Александр Грин

Четыре гиней

В американский город Сан-Франциско прибыл корабль «Юг» из Англии. На том корабле служил матрос Гарт, пьяница и игрок. Все свое жалованье он тратил на попойки и игру в карты.

За несколько дней до отправления корабля обратно в Англию Гарт тяжело заболел. Его положили в больницу, и доктор объявил матросу, что жить тому осталось не более трех дней.

Тогда Гарт послал за своим приятелем Смитом, который тоже был матросом «Юга», и сказал ему:

– Я жил как свинья и часто ссорился с тобой из-за пустяков. Надеюсь, ты меня простишь и окажешь мне большую услугу?

– Ты был добрый парень, – сказал Смит, утирая огромным кулаком слезу, катившуюся по его небритой щеке, – это я должен просить у тебя прощения за то, что не всегда ценил такого джентльмена, как твоя милость, хотя мы и дрались с тобой раз восемь...

– Я думаю, раз двадцать, дорогой Смит...

– Я считаю только те разы, когда ты меня бивал.

– Твое счастье, что я не могу встать, – ответил, подумав, Гарт. – За такую дерзость я наложил бы тебе еще разика

два. Однако не будем ссориться. Мы плавали с тобой вместе шесть лет, видели много хорошего и плохого, а потому, будь добр, передай моей жене Марте мой сундук с вещами и мое последнее жалованье, четыре гинеи. Стыдно сказать, но за четыре года отсутствия я не послал ей ни одного фартинга. Как знаешь, я писать не умею. У меня есть еще сын семи лет, так ты ему скажи, что его отец всегда помнил о нем. А Марте скажи, что, если бы не простуда, от которой я теперь умираю, я наверняка бросил бы пить и играть.

Смит обещал сделать все, как хотел Гарт; взял деньги, сундук, сердечно распрощался с умирающим и ушел, а Гарт умер на другой день, и его похоронили.

Между тем капитан корабля «Юг» получил приказ от хозяина судна грузить хинную кору и плыть в Китай. Смиту это было очень досадно. Он давно не был дома, в Англии. Узнав, что другой корабль – «Жемчуг» – отплывает в английский город Ливерпуль, где жила вдова Гарта, Смит взял расчет и нанялся на «Жемчуг».

Все время он бережно хранил деньги Гарта и даже держал их отдельно от своих денег.

Дорогой матросы заметили, что у Смита два сундука и что один сундук он никогда не отпирает. Они стали его расспрашивать. Смит рассказал им историю сундука, а через три дня после этого поднялась ужасная буря. Вся команда была на ногах и работала днем и ночью; никто не успевал ни по-

спать, ни поесть; сломалась стеньга грот-мачты, в расшатанном волнами корабле появилась течь, и «Жемчугу» грозила гибель. Стали помпами откачивать воду из трюмов. Буря все усиливалась; тогда повар сказал матросам: «Смит везет сундук мертвеца. Если мы не заставим его бросить сундук в море, мы все погибнем».

Матросы поверили повару, притащили Смита к грот-мачте и стали требовать, чтобы он немедленно расстался с сундуком мертвеца. Смит рассердился и отказался, но капитан, видя что команда готова взбунтоваться, приказал ему выбросить сундук.

– Нет, – возразил Смит, – этому не бывать. Я дал Гарту слово, что передам сундук Марте. Если хотите, выбросьте меня вместе с сундуком, но, пока я жив, я своему слову не изменю.

Видя, что Смит не сдаётся, а матросы так обозлились, что готовы его убить, капитан решил пожертвовать шлюпкой, чтобы только избавиться от упрямого Смита.

Ему дали мешок сухарей, бочонок пресной воды и спустили на шлюпке в открытое море, но от этого буря, конечно, не прекратилась, а продолжалась еще пять дней, после чего наполовину разбитый, с оборванными снастями «Жемчуг» выбросило на рифы вблизи острова Мейч. Проходивший мимо пароход «Кратер» заметил аварию и спас всех потерпевших крушение.

Между тем Смит носился в шлюпке среди пустынного

океана; волнение было так сильно, что он не мог грести; весла служили ему только для того, чтобы держать нос шлюпки в разрез волны, иначе шлюпка могла перевернуться.

Сухари и вода были ему единственной пищей; пять ночей он не спал – иногда только дремал, сидя на скамейке, и так измучился, что впал в отчаяние. Со злобой посматривал он на сундук Гарта и думал: «Из-за этого дурацкого сундука я должен погибнуть! Надо было бросить его в море, и я остался бы на корабле. Все равно сундук пропадет вместе со мной».

Однажды напала на него такая ненависть к сундуку, что Смит уже поднял его швырнуть в воду, как вдруг в сундуке что-то прокатилось и зазвенело.

«Неужели Гарт накопил денег?» – подумал Смит.

Он вынул ключ, открыл сундук и увидел, что в сундуке катались не деньги, а старые медные пуговицы. Все имущество Гарта состояло из горсти пуговиц, двух пар штанов, узелка с грязным бельем, колоды карт, сапогов да чашки, вырезанной из кокосовой скорлупы.

Смит повертел эти вещи в руках и заплакал. Вся трудная жизнь матроса припомнилась ему, когда он смотрел на жалкое имущество своего умершего приятеля. «Если даже Марте такая дрянь не понадобится, то хоть будет у нее о тебе память», – сказал Смит; снова уложил вещи, запер сундук и прожил среди открытого моря еще два дня. К тому времени буря стихла; рано утром военное испанское судно увиде-

ло шлюпку Смита. Испанцы спустили катер и взяли моряка к себе.

Когда он рассказал свою историю, команда пожалела его, ему дали новую одежду, собрали немного денег, и Смит, наевшись до отвала, проспал двое суток. Скоро военное судно пришло в Каракас; там Смит распрощался с испанцами и поступил на пароход «Робинзон», отправляющийся в Англию. Через две недели высадился он в родном городе Ливерпуле, где жила также жена Гарта, и пошел ее искать, но по дороге увидел кабачок и решил, что по случаю благополучного прибытия не грех выпить один-единственный стакан водки. Он сел за стол, позвал слугу и получил стакан водки. День был жаркий. Смит сильно устал и охмелел; стало ему весело. Затолкав сундук Гарта дальше под стол, Смит важно развалился на стуле и, увидев бродячих музыкантов, приказал им играть, а сам потребовал вина, пива, пирогов, разной закуски; развеселясь окончательно, начал он угощать всех, кто был в кабаке.

Составилась большая компания, все перепились, а Смит даже ничего не помнил; он пришел в чувство уже поздно ночью, и потому, что его растолкал хозяин заведения.

– Забирай свой сундук и уходи! – сказал хозяин. – Я запираю трактир. Все твои приятели давно ушли.

Смит выругался, сел, почесал голову, поднял сундук, вышел на улицу и стал шарить в карманах. Оказалось, что он прогулял свои деньги и деньги Гарта, только одна гиней уце-

лела. Стало ему так стыдно, что он долго стонал и вздыхал, однако усталость одолела его. Он переночевал на пристани в будке сторожа, умылся, побрился и пришел на окраину города, где жила Марта.

Марта была молодая женщина, рассудительная и спокойная. Так как Гарт ничего ей не посылал, она жила поденной работой.

Узнав от Смита, что Гарт умер, Марта заплакала, затем вытерла слезы и стала спрашивать матроса о покойном муже. Смит передал прощальные слова Гарта и спросил:

– Где же его сын?

– Он ушел в школу. Не прислал ли ему отец хоть какой-нибудь подарок?

Смит покраснел, вынул и положил гинею на стол.

– Только всего, – сказал Смит, – одна гинея да вот этот сундук.

Марта задумчиво посмотрела на матроса, взяла гинею и сказала:

– И то хорошо; можно теперь будет уплатить долг хозяйке за комнату да купить моему Джеку чернил и тетради.

Потом она, вздохнув, открыла сундук, выложила вещи Гарта и, стараясь улыбаться, сказала:

– Из отцовских сапог я сошью сапоги Джеку, да еще мне выйдут из них туфли – ходить на работу. Кокосовая чашка? – вещь нужная в хозяйстве. Сам сундук еще крепок, его можно

продать; дадут два-три шиллинга. Прямо мы разбогатели!

Марта засмеялась сквозь слезы. И так она понравилась Смиуту, что он снова покраснел и затосковал, вспомнив свою растрату.

Смит умел работать по парусному делу. Распрощавшись с Мартой, он отправился в док и нанялся в мастерскую, где стал чинить и шить паруса. Он твердо решил заработать три гинеи, чтобы отдать вдове.

«Хорошо, если бы она вышла за меня замуж!» – мечтал Смит.

Однажды он соскучился, пришел к ней, сел и начал рассказывать маленькому Джеку разные морские истории. Незаметно для себя Смит дошел в своих рассказах до истории с сундуком. Выслушав, как он несколько дней носился в шлюпке среди волн, Марта, которая до сих пор еще ничего не знала об этом, очень удивилась; ей стало приятно это, но она не выдала себя и сказала:

– Все эти хлопоты твои ничего не стоят.

– Почему? – спросил огорченный Смит.

– Догадайся сам.

Смит задумался, посидел еще немного и ушел. Через неделю он пришел к вдове и сказал ей:

– Марта, я тебя полюбил. Будь моей женой.

– Я буду твоей женой, – ответила Марта, – если ты сделаешь то, что должен.

Снова Смит ушел с горьким стыдом в душе. «Да, она знает, что было четыре гинеи, а не одна», – размышлял он и, как только накопил эти деньги, явился к Марте и положил на стол три золотые монеты.

– Прости меня, – сказал Смит, – Гарт послал тебе четыре гинеи, а не одну. Я три гинеи случайно прогулял здесь в день приезда.

– Отчего же ты не сказал это сразу?

– Мне было стыдно. Я хотел сначала вернуть тебе деньги, а потом признаться.

– Сознаться никогда не стыдно, – заметила Марта, – надо было сказать немедленно. Ведь я все равно поняла, что ты деньги растратил.

– Да как же ты догадалась?

– Ничего нет проще: во-первых, ты покраснел, когда дал мне гинею, а во-вторых, ты пришел ко мне в восемь часов утра; приехал же ты – ты сам сказал – накануне вечером. Значит, ты целую ночь где-то путался; глаза у тебя были красные, руки дрожали. Уж если ты из-за сундука позволил высадить себя с корабля, то, приехав, наверное, поспешил бы отдать деньги и сундук мне. Что же этому помешало? А то, что зашел ты в трактир.

– Верно. Я виноват, – сказал Смит, опустив голову.

– И я виновата, – засмеялась Марта, беря его за руку, – пока тебя мучила совесть, я вышила тебе мешочек для трубки.

И она подала Смицу прехорошенький мешочек из зелено-

го шелка, на котором были вышиты желтыми нитками слова:

«Четыре гиней».